

помещать их на хранение у себя, в особом историческом архиве. Отсутствие такого учреждения во Пскове сознавалось, конечно, давно; но хлопотать о его открытии до сих пор не решались, ибо среди местных сил не усматривалось лица, научно подготовленного и обладающего достаточным опытом для ведения такого нового, сложного и ответственного дела. Судьба, наконец, послала нам такое лицо - это уважаемый Василий Сергеевич Арсеньев. И вот, благодаря его энергии и любви к делу, вопрос этот разрешился очень скоро: в Декабре мы подали наше ходатайство, а в Январе уже получили благоприятный ответ из Министерства Внутренних Дел. И теперь остается только надеяться, что общественные силы Пскова и Псковской губернии откликнутся на этот добрый почин, поддержат его и оправдают доверие правительства; что, под руководством Василия Сергеевича, образуются у нас опытные деятели, которые продолжат и усовершенствуют начатое им дело...

(Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Вып. I. Псков, 1917. С.8-9)

(Окончание следует)

Г.В.Проскуракова

Волышовская старина

Продолжение. Начало в № 3/1995

6. ГРАФСКИЙ ДОМ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о графском доме будет неполным, если не сказать о некоторых деталях и особенностях в оформлении его интерьеров. Столовая была самым просторным в доме двухсветным помещением. Вероятно, она могла превращаться и в танцевальный зал. Художественная ценность паркета, изысканного и строгого, заключалась во включении в него пяти красивейших композиций наборного дерева (одной - в центре и четырех - по углам). Паркет берегли, в обычное время он был закрыт ковром. На фотографии столовой видны люстры и канделябры со свечами, белая лакированная мебель. Стены и потолок украшены лепкой, на стенах узорные шелковые (штофные) обои. Комнату очень украшали высокие часы с музыкой и движущимися фигурками (или модельками, помнится, кораблей).

Самой красивой деталью был мраморный камин и зеркало над ним. Зеркало было очень высокого качества, в нем отражались и огни люстры, и пространство вне комнаты через дверь, поэтому оно особенно украшало столовую.

В графском доме не было кухни - еду приносили из особого здания-флигеля (за Графининым домиком, который назывался Буфет, там почти всегда находился дворецкий). Но в доме были буфет (комната) и «лафис» (другая комната, где стояла посуда и собира-

---

Настоящее издание подготовлено к печати дочерью Г.В.Проскураковой Н.Н.Масленниковой.

лись слуги, подававшие обед или ужин). Эти помещения были в правом, противоположном церкви, крыле дома.

Для Вольшова у его владельцев был огромный набор фарфоровой и фаянсовой посуды: на самой дорогой, из тонкого белого фарфора, была сделана золотом надпись «Вольшово», а простая посуда, из фаянса, была по краю украшена веселым орнаментом из зеленых листиков клевера (трефлей, как их называли).

В кладовых хранилось большое количество столового и постельного белья. На наволочках из тонкого голландского полотна была вышита красным шелком красивая тонкая надпись-метка «Вольшово».

Парадной комнатой была и бильярдная, примыкавшая к столовой со стороны парка и имевшая выход в парк в центре фасада. В ней также было много драгоценных и художественных вещей: рояль, бильярд, резные столы и стулья. В обстановке - опять, как и в столовой, высокие часы, напольные и настольные вазы, статуэтки, на стенах штофные обои, ковры, гобелены и портреты в золоченых рамах, особые светильники над бильярдом и красивые лампы, основания для которых были выполнены в виде каминных часов или ваз, скрывающих резервуар для масла или керосина.

Внизу, слева от парадного входа, была большая комната - библиотека. Мебель и множество шкафов из нее после Октябрьской революции были вывезены в Порхов и еще в 1920-1921 гг. стояли там в городской библиотеке. Шкафы, стулья и кресла были из светлого дуба; у шкафа и кресел одинаковые витые колонки по бокам дверец и спинки. Обивка этой мебели была из ковровой ткани крупными клетками очень красивой яркой расцветки: там был и зеленый, и желтый, и синий, и красный цвета, и несложный (условный) редкий орнамент.

В новой гостиной графини Евгении Александровны (она находилась за портиком левого ризалита паркового фасада - если смотреть от реки) мебель была обита кретоном светло-желтого цвета с узором из мелких цветочков. На столиках стояли вазы и статуэтки. Самая примечательная черта гостиной: мебель была расставлена как бы отдельными уголками-гарнитурами. Центра в комнате не было. Кресла и стулья, очень мягкие и низкие, можно было переставлять как угодно.

Обстановка «номеров» во втором этаже была более строгой, и даже вещи для обихода были одного типа. Небольшие столы с выдвигаемыми ящиками, резные письменные столы, «туалеты» (столики с зеркалами), немного мягкой мебели, кровати с балдахинами или без них (но не с шарами, которые вошли в моду в XX веке). Для умывания за перегородкой во всех комнатах стол с мраморной доской, и на ней фарфоровый набор с тонкой росписью - таз, кувшин, мыльница, кружки, коробочки. Почти в каждом «номере» была чугунная пепельница в виде корзинки круглой или продолговатой - со строгановских чугунолитейных заводов. В доме было много художественных изделий собственных мастеров, воспитанников строгановских училищ и их учеников.

Многие «номера» были закреплены за определенными семьями родных, знакомых и соседей (были «номера» баронов Ферзенев, князей Васильчиковых, Голицыных и Щербатовых, Новосильцевых - владельцев Бельского Устья). Двери «номеров» и графских покоев, находившихся на втором этаже, выходили в широкий, с очень высоким потолком, и светлый, благодаря окнам в потолке и крыше, коридор. О покоях верхнего этажа и их обстановке можно судить по двум акварельным «Интерьерам», написанным А.А.Редковским в 1860 г., вероятно, в Вольшове. Они находятся в экспозиции Псковского музея-заповедника.

Две красивые, широкие, удобные деревянные лестницы с резными перилами соединяли

этажи дома и служили для постоянного пользования. Для парадных случаев была особая лестница в центре дома (зимой этот вход был, наверно, закрыт, как и выходы в парк). При капитальном ремонте дома в 1890-1900-х гг., когда были заменены некоторые деревянные части кирпичными, было сделано более «современное» остекление окон (на четыре стекла вместо шести), улучшено водоснабжение и отопление. В Вольшово привезли мраморную лестницу из Италии с ажурными перилами, вероятно, заменившую старую парадную, ею любовались гости, собиравшиеся на осеннюю охоту каждый год к дню рождения отсутствующего владельца имения.

Над дверью, ведущей в бильярдную под мраморной лестницей, есть алебастровый маскарон - скульптурное изображение мужской головы. Суровое, мужественное лицо молодого человека с усами и бородой. На голове - необыкновенный шлем, сделанный из верхней части львиного черепа, с ниспадающей по бокам головы шкурой.

В настоящее время лестница испорчена раскраской белых плит ее пола; маскарон изуродован таким же образом. Ни автор, ни происхождение маскарона пока не известны; может быть, он и старше мраморной лестницы. В древнем Риме знаменосец, шедший рядом с полководцем, носил такой шлем с львиной шкурой, спускавшейся по бокам и спине до колен воина (в руке он держал древко свернутого знамени).

Строгановым такой образ мог показаться подходящим для их дома: они, наверно, думали, что многие их предки были достойны считаться знаменосцами нескольких царей (и за помощь в завоевании и освоении Сибири, и за борьбу с польско-шведскими феодалами в XVII веке, и за верную службу Петру Первому). Недаром на их гербе был девиз (на латинском языке): «Родине добыл богатства, себе - славное имя».

В погребках дома хранились запасы дорогих вин. Деревянная дверь под парадной мраморной лестницей вела в винный погреб, вход в который был доступен только дворецкому. Все лестницы и коридоры в графском доме были устланы коврами - редкими, узорными или просто шерстяными дорожками.

И хозяева, и гости Вольшова любили верховую езду и катанье; к их услугам были на выбор лошади конного завода и «казачьей» конюшни (для охоты): орловские рысаки, английские и арабские, как верховые, так и обученные езде в разной упряжке лошади, их закупали за границей и в южных областях России и выращивали в конюшнях конного завода.

В последние годы XIX - в начале XX века графский дом постепенно приобретал облик не дворца, не места повседневной жизни богатой семьи, а скорее охотничьего замка. Эта особенность чувствовалась в подборе книг вольшовской библиотеки: там были сочинения классиков, но гораздо больше развлекательной беллетристики, подписных изданий, романов (то и другое на разных языках и нередко с неразрезанными страницами).

Солиднее всего выглядели сотни томов на английском языке, посвященные коневодству, конному спорту, охоте - по-видимому, наследника Строгановых больше всего интересовали такие темы (хотя первый владелец Вольшова А.С. Строганов имел другие пристрастия и был видным нумизматом; правда, свои коллекции монет он в Вольшово не перевез).

О главном увлечении хозяев говорил и подбор картин: в глаза бросалось, что портреты и пейзажи были лишь в парадных комнатах, все остальные помещения были украшены изображениями лошадей и собак. Одна из таких картин, «Лошадь в конюшне» 1856 г., написанная известным художником этого жанра Н.Е.Сверчковым, находится в Псковском музее.

Не могло не сказаться на доме то, что он был необитаем одиннадцать месяцев в году в

течение трех десятилетий. Это постепенно придавало его интерьерам дух музейности (но ни в коем случае не старомодности), все в нем бережно и строго сохранялось. В Пскове, например, купцы уже имели в своих домах электричество и телефон - в графском доме широко применялись свечи и масляные светильники (хотя даже у жителей села давно вошли в быт хорошие керосиновые лампы).

Сохранилась традиция имения времен крепостного права: во всех домах усадьбы была обстановка и утварь ее владельцев, зачастую изготовленная в собственных мастерских. Когда в графском доме заменяли что-нибудь, переставшее устраивать графов, устаревшие вещи переходили в жилые дома служащих. Поэтому вся мебель в их домах была добротной и в одном стиле, хотя иногда сделанная местными мастерами и грубоватая.

Жители Вольшова могли приобретать и другие вещи по своему вкусу - и только ими распоряжались. Инвентарь усадьбы оставался на своих местах. За этим следили управляющие, конторщик и дворецкий. Управляющих было трое: один был главный, второй управлял конным заводом, третий - охотой; у каждого был свой штат служащих и своя смета.

7. УНИКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ АРХИТЕКТУРЫ И ПАРКОВОГО ИСКУССТВА XVIII-XIX ВЕКОВ

Помещичий дом в XIX веке в Вольшове строился заново, можно лишь предполагать желание владельцев сохранить в новом здании некоторые черты дома XVIII века (его план сохранился на общей схеме «сельца Вольшова» 1784 года - он есть в Порховском музее). А так как такой заказ вполне подходил архитекторам второй половины XIX века (и М.А.Макарову, и А.П.Попову), то черты барокко удачно толковались в духе эклектики, уживаясь с чертами классицистическими, более всего заметными в Вольшове благодаря сохранившимся зданиям в центре села.

Виднее всего черты стиля барокко снаружи - в центральной части главного дома, внутри - в отделке интерьеров лестницы и парадных комнат, а также в здании буфета и кухни. Они представляют собою, по существу, стилизацию под барокко. Подлинный же стиль барокко можно угадывать лишь в одном из флигелей на парадном круге, где теперь помещается управление конного завода.

Черты классицизма особенно свойственны парковому фасаду господского дома (ризалиты, колонны, антаблемент, балюстрады по верху здания у террасы). Но здесь они вторичнее, чем, например, в Марьине - строгановском имении в Тосненском районе (архитектор И.Ф.Колодин, ученик А.Н.Воронихина). Подлиннее и строже стиль классицизма выражен в здании церкви (ордер, пропорции, купол, окна) и Голубятни. Ее облик, особенно если не смотреть на верх (собственно «голубятню»), напоминает парковые павильоны России и Воронихина.

С правой стороны от графского дома, напротив церкви, в 60-х годах был построен, вероятно, архитектором Макаровым небольшой флигель (на месте старого флигеля XVIII века), известный под названием Графинин домик. Вероятно, в нем жила овдовевшая Т.Д.Строганова. Этот флигель отличается от других зданий парадного круга особым изяществом, оригинальностью кровли, пышностью отделки, дворцовым характером. В нем несколько уютных больших комнат, спокойная и красивая лестница на верхний этаж. Это жилой дом для членов графской семьи, в нем и при графе не было никаких хозяйственных помещений. Графинин домик очень украшают овальные окна у парадного входа и на фронтоне.

Очень хорошо своей монументальностью, строгостью, скульптурным декором здание конного двора (главных конюшен) - оно является великолепным образцом функционального применения принципов классицизма. Главные конюшни являются наиболее ранним и сохранившим свой первоначальный облик архитектурным шедевром Вольшова.

Легкие, ажурные, светлые здания парадного круга, создающие впечатление дворцового ансамбля, контрастируют с суровым образом красно-коричневых зданий главной конюшни с их высокими чугунными решетками. Архитекторами разных поколений удавалось сохранять и развивать единое архитектурное решение центра усадьбы, его редкое своеобразие при неоднократных перестройках жилых домов.

Важную роль в этом единстве выполняет сооружение в центре парадного круга, воздвигнутое над артезианским колодцем - Голубятня. Она находится и в центре между графским домом и главной конюшней, и на линии въездных ворот, продолжением которой является обсаженная ивами дорога на Дорогини (конный завод).

В поздних зданиях 80-х гг. XIX века (они моложе конюшен и церкви более чем на столетие), хотя здесь можно думать и о преднамеренности, заданном сходстве - есть оттенки классицизма (трехчастные окна на уличном фасаде здания амбулатории - как на северном крыле графского дома; красиво закругленные верхи окон - там же).

Мансарды, возникшие во Франции в XVIII веке, в Вольшове ранее всего появились на старинных флигелях; в дальнейшем они получили широкое распространение, в Вольшове их можно видеть на зданиях начальной школы, амбулатории, «буфета». Интересно внешнее применение мансард под кровлей манежа (80-е годы XIX века): их окна были нужны для освещения широкого пространства манежа, а вместе с тем здание благодаря им гармонировало со всем архитектурным замыслом усадьбы.

В облике графского дома принципы эклектики применены с большим тактом, и поэтому графский дом не противопоставлен флигелям и церкви, которые старше его на 100 лет. Известное влияние на М.А.Макарова мог иметь дворец Белосельских-Белозерских на Невском проспекте в Санкт-Петербурге А.И.Штакеншнейдера, в сооружении которого он принимал участие. Архитектор М.А.Макаров смело внес в облик усадьбы черты и нового для нее стиля. По его проекту построено первое здание этого типа - ферма (1860 год). Как в кирпичных, так и в деревянных општукатуренных зданиях хозяйственного назначения он также применил сочетание красного и белого цветов, заостренные фронтоны с зубцами, флюгеры, узкие окна, розетку над входом - черты, напоминающие готику (особенно ясно это было видно на разрушенном теперь здании сторожки у чугунных ворот).

Позднее фермы лет на 10-20 появились еще три здания: дом управляющего, жилое здание птичника и здание начальной школы (автор проектов неизвестен). Дом управляющего наиболее интересен: формами фронтона, входа с башней и флюгером и левого объема здания с тремя большими окнами он напоминает Фермерский дворец в Петергофе (автор А.И.Штакеншнейдер), но правое крыло не гармонирует с основным зданием - как будто проект искажен.

Жилое здание птичника было похоже на кирпичный општукатуренный дом управляющего, благодаря зубцам, украшающим фронтоны, но здание птичника было сделано из дерева, прочно општукатуренного по дражке. Иначе выглядит здание школы: слабо выраженные элементы готического стиля выступают лишь в линиях второго этажа и крыльца; первый этаж - удобные классные комнаты с большими окнами.

Из архитекторов, которые проектировали для Вольшова, наиболее известен, как сказано выше, М.А.Макаров. Биограф, говоря о его заслугах и особенностях его таланта,

благодаря которым он получил звание профессора Академии художеств, отметил влияние на него французской архитектуры. Будучи в молодости помощником архитектора Г.А.Боссе, М.А.Макаров много работал в Прибалтике. Отсюда в его творчестве появились принятые там своеобразные сочетания отдельных элементов романского и готического стиля - главным образом в фасадах зданий в Петербурге.

В Вольшове проявился хороший вкус М.А.Макарова и бережное отношение к тому, что было построено до него: сохранив в облике графского дома, в других зданиях - второстепенного значения - преобладание черт классицизма, он позволил себе быть более эклектичным.

Это было продолжено строившими после него: так в 80-х гг. XIX века на парадном круге появился еще один флигель («буфета» и кухни), гармонирующий со стилем соседних зданий. Здания больницы (амбулатории) и манежа, сходные между собою, упрощенной архитектуры, но с элементами классицизма, как бы окаймляющие центр усадьбы, придали всему ансамблю еще большую законченность.

Несколько деревянных, главным образом двухэтажных, домов были построены на окраинах. Хотя на Доме охотников (1860 г.) использована резьба, он сделан простым, добротным и строгим, да и в других зданиях мы не видим модных во время их постройки украшений в «русском» (или «петушином») вкусе. Большое здание Почты имеет хорошие фронтоны, широкое крыльцо на столбах. Любой деревянный дом в Вольшове в конце XIX века был достоин облика русского крупного села (к нему уже не подходило название «усадьба»). Общий облик имения оставался классицистическим, его по-прежнему определяли здания парадного круга.

Сейчас, когда столько внимания уделяется вопросу, каким должно быть строительство в сельской местности, уместно подчеркнуть еще одну особенность вольшовского ансамбля: почти полное отсутствие заборов. Вместо них в селе было несколько фундаментальных кирпичных оград (у манежа и вдоль шоссе от конюшен до амбулатории). Были ограды из дикого камня (у Зверинца, у сада при доме управляющего). Главные конюшни и псарник были ограждены чугунными решетками красивого рисунка, линии которого гармонировали с решеткой въездных ворот.

Даже в садовом и парковом хозяйстве применялись лишь «живые изгороди» из вала, засаженного кустами (главным образом акаций и боярышника). Фруктовый сад и вольеры («стайки») у птичника и псарника ограждались высокой и частой металлической сеткой. Деревянные заборы и ограды допускались лишь с тыльной стороны некоторых зданий, да еще вокруг огородов, устроенных только по окраинам села.

Неслучайно две из четырех конюшен (рабочая и в Дорогинях) были построены в форме каре с внутренним закрытым двором. Не было оград около зданий парадного круга: под их окнами тянулись разнообразные цветники (чаще всего «рабатки» - полоски), и были проложены дорожки из каменных плит.

8. ВОЛЬШОВСКИЙ ПАРК

В Вольшове не было большого декоративного сада - массива; цветники разной площади, разного типа и подбора цветов как бы разбегались и прятались за каждым поворотом дорожки или аллеи. Иногда они собирались в звезду, иногда узеньким хороводом окружали крупное дерево или бежали прямой душистой полоской вдоль дороги.

Самые изысканные партерные клумбы - овальные, круглые, многофигурные - украша-

ли графский дом со стороны парка. Они были похожи на ковры: хотя в центре иногда и находился красивый куст аспарагуса, или роз, или туи, все цветы были низкими, оттенки красных тонов давали бегонии, белых - камнеломки, лиловых - гелиотроп, а молоденькая, низенькая резеда была скромным фоном, но именно от нее шел самый изысканный запах.

Под большой северной террасой, справа от паркового фасада, за церковью, находился самый веселый, наивный, как будто всегда растрепанный и суматошный цветник, пересеченный несколькими дорожками, из простых, недружных цветов - петунии, ноготков, маргариток, бархоток, львиного зева.

Но зато сразу за ним начинался Розовый садик - любимый цветник умершей молодой графини, созданный садовником В.И.Ватцекком. Он был похож на розарий в Сухумском ботаническом саду (розы были не так по-южному роскошны, но их было больше). Высокие штамбовые розы по углам дорожек и через интервалы на клумбах; белые, красные, чайные крупные розы на невысоких кустах; мелкими соцветиями китайские розы. В Розовом садике было несколько узких дорожек, средняя вела к небольшому холму, на котором возлежал чугунный лев (у хозяев Вольшова было пристрастие к этому мотиву садовой скульптуры).

По узкой каменной лесенке можно было спуститься к гроту, оттуда к реке, к Круглому пруду и дальше углубиться в парк. Если же пойти от террасы графского дома вправо, там, за чертой Сиреновой аллеи, простиралась главная владения садовника, их драгоценностью были оранжерея и теплицы. Аккуратные, практичные, часто сложенные из дикого камня, они скрывали под стеклянными крышами заросли винограда и персиковые деревья, ряды цветочных лукович, горшков с отростками пальм, декоративных деревьев и кустарников.

Только одна, самая высокая и просторная оранжерея светилась насквозь, остекленные сплошь стены давали широкий доступ лучам солнца. Она была по существу зимним садом: с первыми ночными холодами в нее убирались тропические растения, стоявшие в теплое время года на террасе, на клумбах, по бокам от входов в оба графских дома. Летом эта оранжерея тоже не пустовала, но уже не тянуло пройти мимо нее, зато в дождливую осень и в короткие зимние дни она была похожа на сказку, была обещанием радости. Очень разнообразны были в Вольшове пальмы: фенике, латании, фило- и рододендроны и т.д.

Чем дальше от графского дома, тем более прозаичными становились владения садовника, цветы на грядках сменялись ягодными кустами, в теплицах выращивалась рассада. Но в парадной части росли еще великолепные пионы и георгины - то в одиночку или в кружок, то окаймляя дорожки. Одна из дорожек была как бы крытой аллеюшкой из георгин, верх ее образовывали переплетенные лозы дикого винограда. Наверно, когда хозяин имения жил в Вольшове, затей садовника были еще разнообразнее и богаче, но и так можно было поражаться изобилию в садовом хозяйстве имения, заброшенного владельцем за тридцать лет.

По обочинам сада шли бордюры из кустарников, были выкопаны канавы, но заборов и изгородей не было - каждый житель села мог зайти на территорию сада, не возбранялось это и крестьянам из соседних деревень, но присмотр чувствовался всегда. Целый день где-нибудь маячила немного комическая фигура Вячеслава Ивановича: широкий пиджак, вместо галстука на свободной рубашке завязан шнурочек с помпонами на концах, старая соломенная шляпа, сигара в зубах, красно-сизый нос большого любителя пива и неизменная внушительная трость. Садовник не боялся недоброй молвы; заметив человека любого возраста в грядках или близ цветущего куста, он оглушительно кричал свое «Палгам по ногам!» и многое другое, обращая виновника в бегство. Но больше крика и даже неусыпной бдительности помогало Вячеславу Ивановичу то, что за многолетнюю службу в Вольшове он узнал

наперечет, в лицо и с характеристикой каждого жителя в округе и очень многим был нужен и полезен.

Но не жалел совета всякому начинающему садовнику, давал черенки и семена, очень любил «рабатки», и с его легкой руки все, у кого при доме был хоть палисадник, устраивали у себя эти узкие цветочные грядки, и они потом расширялись с годами и выходили на луга и дворы - душистые «французские» фиалки, махровые маргаритки и резеда.

Еще красивее цветников и сада в Вольшове пейзажный парк. Разбитый очень давно, в конце XVIII или в начале XIX века, он хорошел и разрастался на глазах, особенно после того, как в какой-нибудь его части проводилась необходимая работа. Автором воспоминаний составлена схема Вольшовского парка, в которой использована подлинная карта центра имения и свои сведения о когда-то существовавших, а потом исчезнувших посадках и затеях.

Главной красотой, мыслью и душой парка были аллеи. Задуманные и вычерченные на бумаге каким-то большим мастером, они не только определяли пейзажи, расчлняя десятки гектаров на самые различные природные уголки, - они, аллеи, вели вас по парку, переходили одна в другую, показывали то группы деревьев, то мостик, то шлюз с водонадом на речке, то широкий лут или горку.

Три совершенно прямых аллеи были длиннее других; идя по ним, можно было обойти центральную часть парка. Почти от самого парадного круга и графского дома начиналась Липовая аллея. Она похожа на аллею Керн¹ в Пушкинском заповеднике: липы ее вытянуты вверх, с изогнутыми могучими стволами. Когда они разрослись, аллея стала узковатой, но и задумана она была только для ходьбы (параллельно идет главная дорога от въезда в село). По бокам от аллеи тянулись лужайки, почти не тронутые рукой садовника: с правой стороны, перед зарослями орешника и берез, когда-то была площадка для качелей (Качелями стала надолго называться эта часть парка).

Пройдя Липовую аллею, выйдя во въездные ворота, через мост вправо от них, можно было попасть на Лиственную аллею; раньше здесь проходила Большая дорога мимо Вольшова, на Тишинку и Дедовичи.

Оберегая парк, Строгановы перенесли Большак таким образом, чтобы он огибал село с другой стороны, мимо почты, амбулатории и хозяйственных построек. А так как там, в новом месте, было проложено шоссе (от Логовина и Максакова Бора), население быстро подчинилось воле богатейшего помещика уезда.

Вновь посаженная Лиственная аллея и стала, вместо пыльной и иногда шумной проезжей дороги, естественной границей парка.¹ Из всех пород лиственниц была выбрана самая благородная и красивая: с нежной короткой хвоей, мелкими шишками, прямыми, тонкими стволами. Отлично выровненная и всегда немного присыпанная сухой хвоей, аллея стала украшением парка. Примерно на середине ее можно было свернуть вправо и вернуться к графскому дому с другой стороны, через Березовую аллею - широкую, светлую, с березами кудрявыми, могучими и старыми, с веселыми горками и лужайками по бокам аллеи.²

Липовая, Лиственная и Березовая аллеи обрамляли центр парка, по которому протекала река. Кроме больших, в саду и парке было, наверно, не меньше десяти маленьких, вернее, коротких аллей - сиреневых, березовых, липовых, ореховых. Они были разной

1. В настоящее время Большая дорога через Вольшово возвращена на её прежнее место: было, наверно, признано правильным пустить гужевой транспорт в стороне от села и особенно от коннозавода.

2. Берёзовая аллея теперь почти вырублена, Лиственная сохранилась.

ширины и часто не прямые, а с плавными изгибами. Очень красил почти каждую аллею и аллею их нижний ярус: в Лиственной аллее это были ряды вереска и туй, в Березовой - барбариса. Это рамка дороги, то вечнозеленая, то, как драгоценное кружево, красноватая от ягод или начинавшей желтеть листвы, и подчеркивала, и смягчала главные ориентиры парка. Кроме аллей, парк прорезали десятки дорожек, среди лужаек возвышались пригорки или маленькие рожицы (по термину XVIII века, «боскеты»), на них тоже были высажены или редкие, или цветущие кустарники (терновник, боярышник, крушина, калина - впрочем, у вольшовцев были в ходу и другие названия - волчьи ягоды, толокнянка, кротегус).

Парк был по существу дендрологической коллекцией, в нем встречалось много разновидностей обычных пород, а также редких и редчайших в наших широтах - серебристые тополи, каштаны, сосны и ели разных оттенков и происхождения росли группами или окружали лужайку перед парадным подъездом графского дома. Были и уникальные экземпляры: особенно старая, толстая береза у круглого пруда, по одному кедр у плюза и в конце парка.

Любитель дикой природы мог и в пределах парка найти много ее уголков: зарослями берез и елей был школьный парк, да и близ каждой аллеи находились места, куда даже тропинки не было проложено.

Сады и парки Вольшова смогли разрастись и стать воплощением мечты их создателей лишь благодаря еще одному главному условию - остроумному использованию крохотной речки Вогошки, которая в писцовых книгах XV-XVI веков именовалась то речкой, то ручьем Вогощей.

Многие луга вокруг села и низкие места в самом селе были склонны к заболачиванию. Почти ежегодно велись мелиоративные работы, целые артели опытных землекопов прокладывали дренаж. Но эти работы не дали бы при тогдашней технике полного эффекта, если бы не преобразование человеком всего режима речки. На ней, в границах села и парка (до Дорогинь), были построены четыре плотины со плюзами и мостами, при одном из плюзов сделан искусственный глубокий водоем, выложенный каменными плитами, - Круглый пруд. Он имел важное декоративное значение, был местом купания для обитателей графского дома, но, наверно, у него была и другая функция - регулировать уровень воды в речке.

Возле каждого плюза был образован небольшой водоем: у прачечной в селе и в Дорогинях он был необходим для стирки белья, для ферм и других хозяйственных целей, в парке, у Круглого пруда, расширенное русло речки использовалось зимою как каток, у въезда в село (у Большой дороги) водоем имел преимущественно декоративное значение; впрочем, в верхней его части он когда-то использовался, по слухам, как лодочная пристань. При высоком уровне воды у каждой из четырех плотин появлялся водопад; теперь трудно в это поверить, но вода, честное слово, пенилась и шумела, бежала по доскам ската, и камни, положенные в водоем, лежали блестящие в кружочках пены.

В истории парка были однажды трудный период, чуть не кончившийся его гибелью. Главная контора исключила из сметы расходы на некоторые статьи, в том числе и на уход за парком. Расчет был, конечно, тот, что владелец в Вольшово вряд ли скоро вернется и ущерб будет незаметен. Но парк (это было между 1906 и 1910 гг.) стал быстро приходить в запустение: не только заросли дорожки и аллеи, но повсюду стала стихийно пробиваться сорная растительность. Осины, ивы, тополи, такие красивые в общей гамме деревьев, своим быстрым ростом стали угрожать всему, что было выращено с трудом и тщанием.

1. Эта коллекция в парке была, конечно, тесно связана с питомником.

Может быть, этот упадок не был бы вовремя замечен, если бы прежде всего не стал зарастать только что сделанный в конце XIX века (в связи с ремонтом графского дома) район Новая посадка - параллельный Лиственной аллее. Там клены, липы, сосны очень красиво перемежались с серебристыми тополями, лохом, жасмином; широкие дорожки плавно изгибались. Кажется, все три управляющих забили тревогу и начали писать графу в Париж. Тот довольно скоро почувствовал угрозу, нависшую над Вольшовом, и распорядился ассигновать триста рублей в год на поддержание парка. Этой суммы хватило - почему, об этом будет рассказано в следующей главе. И парк ожил, помолодел, пришел в свое прежнее состояние, хоть и не со всеми затеями на речке, какие были в середине XIX века, но зато аллеи и рощи разрослись необычайно.¹

К парку имеет еще отношение Могильник - довольно высокий холм у Новой посадки, близ конца Лиственной аллеи. И в наши дни, и полстолетия тому назад его связывали и связывают с обороной Новгородской земли против литовских феодалов. Но это неверно: Могильник представляет собой не курган или сопку над древними могилами, а перезахоронение. Когда расширяли парк и сажали новые деревья, вдоль всей окраины парка находили довольно много человеческих костей. Может быть, это и были могилы воинов из литовских феодальных отрядов, приходивших и в XV, и в XVI, и в XVIII веках дорогами древних пригородов Новгорода, в том числе Порхова, на нашу землю. Во время «новой посадки» кости собрали на окраине парка, обнесли место их перезахоронения оградой из дикого камня, насыпали холм и посадили деревья. И почти сразу же начались рассказы: к новому Могильнику приурочивались многие «бродячие» сюжеты из легенд - о провалившейся церкви, о призраках воинов, о запрятанных сокровищах.

Было такое время уже после Октябрьской революции, когда там хоронили жителей села. Во всяком случае, прямого интереса для археологии вольшовский Могильник не представляет.

За чертой Лиственной аллеи начинался лес, носивший название Омпарины. Он был невелик и постепенно все больше сливался с парком. Эта черта - слитность русских усадеб XVIII-XIX веков с окружающей их природой - давно подмечена искусствоведами. В Вольшове такой процесс как бы завершился: в его окрестностях леса были изрежены, потеряли прежнее значение. Омпарина почти превратилась в парк. В ней чувствовалась деятельность уже не садовника, а лесовода (лесничие во владениях графа Строганова были, может быть, еще более сильными работниками, чем садовник, и уже, наверно, более образованными - и В.И.Туровский в 90-х годах, и Д.А.Тюльпанов позднее). За чертой Лиственной аллеи, наверно, еще в середине XIX века был выделен огромный Крикетный луг.² Расчищенная от деревьев и кустов площадь была засеяна травой, похожей на ковыль степной полосы; его не косили, новые побеги весной недолго зеленели и затем образовывали сухой шелковистый ковер. Даже полевые цветы на Крикетном лугу были особенные: бессмертники, заячьи лапки, изредка кустики и звездочки мелкой дикой гвоздики.

На старой фотографии, хранившейся в графском доме, можно было заметить многочисленность крикетной команды (вернее, двух). Кем-то на обратной стороне были написаны имена игроков и (иногда) их должности (например, «борзятник А.Фишер») - очевидно,

1. Тогда и была сделана серия стереоскопических снимков отремонтированного дома и расчищенного сада, использованная на этих страницах.

2. На нём в годы первой мировой войны проводился первый в Вольшове футбольный матч - между петроградскими школьниками из рабочей дружины и порховскими реалистами.

молодые мужчины, служившие у Строгановых, широко привлекались к модному тогда развлечению. На всех одинаковые костюмы и светлые, заходящие высоко за колени сапоги из какого-то пухлого материала (может быть, из пробки).

За Крикетным лугом, правее, тянулась роща из молодых сосен, ее темная зелень красиво подчеркивала изжелта-седоватый оттенок травы, росшей на лугу. Левее, вблизи от Лиственной аллеи, были высажены дубки, довольно раскидистые, но почему-то не поднявшиеся ввысь; наверно, была выбрана такая порода. Эта небольшая дубовая рощица (Дубки), как и сосновая (Сосонки), была своего рода новым продолжением парка. За их линией тянулась еще одна довольно широкая дорога, проложенная параллельно Лиственной аллее - она была частью маршрута, по которому объезжали лошадей. А за этой безлюдной песчаной дорогой начинался «настоящий» лес, кусочек настоящего леса площадью не более 30-40 гектаров - с горками, болотцем, с непроходимыми зарослями елей, березы, осины, с тропинками и дорожками, едва намечавшимися на зеленом мхе или низкой траве. Омшарина... Наверно, это название и получилось от слова «мох», «омшаник». Птиц здесь было еще больше, чем в парке, а так как здесь было еще и безлюдье почти что полное, совы, летучие мыши, белки хозяйничали в омшарине в свое удовольствие.

На одном из высоких рыжих муравейников однажды лежал скелет змеи: кто-то угостил муравьев редким лакомством. И хотя далеко в округе давно были истреблены лисицы и зайцы, в омшарину они иногда забегали. Устроиться надолго им не удавалось: стая голодных гончих на утренней прогулке обнаруживала дичь; или один из фокстерьеров, принадлежавших вольшовским жителям, поднимал особенный, охотничий лай, лез в любые заросли и норы, выгонял русака или беляка и начинал погоню.

В Омшарине, как и в парке, росли грибы - в каждом уголке леса особенные, известные всем любителям. В парке это подберезовики (по-псковски, «обабки»), подосиновики и - чудо из чудес грибного мира - подореховики: с зеленоватыми ножками и коричневыми шляпками, очень крепкие, вкусные, как боровики. Ну а в лесу понемножку росло все, даже грузди, рыжики и волнушки; сыроежками, как и мухоморами, была расцвечена каждая полянка, каждый пригорок.

Знатоки собирали все лучшее чуть свет, запоздавшим приходилось довольствоваться остатками, но в общем лес был сыроватый, равнинный, для грибов подходящий, а население редкое, непривыкшее проводить время в парке и в Омшарине. Бедствие начиналось в сентябре, когда учитель устраивал поход «на природу» целыми классами. Ребята палками поднимали мох в поисках «белых», и лес, его грибные места, становились неузнаваемыми, раны залечивались лишь к будущему лету.

Еще больше красоты и радости давали в вольшовском лесу цветы. Как и грибов, их было не так уж много, но как они были разнообразны, на каких чудесных лужайках они вырастали! Невозможно перечислить все, что вошло бы в гербарий, собранный за лето в Вольшове. В Омшарине, в самой глубине, прятались ландыши (там, где был спуск к низине); у Сосенок росли крупные иван-да-марья; у пруда близ Дорогинь, у большого луга - купавки, светло-золотисто-желтые, с такими тугими головками, как у маленьких нераспустившихся роз; на Крикетном лугу - заячьи лапки и бессмертники; на лужайках близ Лиственной аллеи - самые крупные ромашки.

И повсюду, куда ни глянь, весной подснежники, куриная слепота, одуванчики, а летом розовые и белые головки клевера и всякие мелкие, чаще всего лиловые, безымянные цветы. Даже в лесу, если лужайка была просторной и более или менее ровной, траву косили два раза в лето - тогда в селе пахло свежим сеном, главные дороги были присыпаны мелкими

сухими травинками, но из земли в июне быстро выбиралась на свет новая зелень, а к сентябрю все постепенно оказывалось под разноцветным шуршащим покрывалом из сухих листьев.

Кроме леса, в Вольшове было еще несколько запущенных, глухих уголков; они оставались как бы резервом имения, их не восстанавливали при расчистке парка, но в них жили птицы и цвели цветы, и они были как островки тишины между самыми «оживленными» местами вольшовского хозяйства. Самым запущенным был Питомник - рядом с парниками и другим охотничьим хозяйством. В XIX веке здесь была создана знаменитая дендрологическая коллекция, поставлявшая саженцы в другие имения, и на станции только что проложенных железных дорог, и в губернский питомник в Пскове. Со временем площадь питомника (5 десятин) оказалась тесной, и был создан новый - в Захонье, близ Бельского Устья, там, где постоянно жил лесничий. Еще более, чем медицинские работники и учителя, он был связан с государственными учреждениями - Лесным комитетом, его деятельность переросла рамки Вольшова и должна была вестись самостоятельно.

Питомник в Вольшове разрастался и дичал за крепкой старой изгородью, а напротив него, близ ферм с их мычащими и блеющими питомцами, в нерушимом покое лежала территория Зверинца - с оградой из дикого камня и с заросшими бурьяном «стайками» (помещениями для зверей). Люди, родившиеся около ста лет тому назад, еще помнили, что там содержались медвежата, привезенные с одной из охот, но это были последние жители зверинца.

Там, где кончалась его массивная стена, начинался Детский садик - очень густой и темный. Высокие ясени, липы, березы вздымались над густым кустарником, образовывавшим у проезжей дороги живую изгородь из желтых акаций. Название было традиционным - может быть, когда-то для детей эта часть парка из узких переплетающихся дорожек была спланирована, но дети, выросшие здесь, приезжая через много лет, забывали заглянуть на эту глухую окраину парка. Вместо них дети новых жителей Вольшова хорошо знали, что в Детском садике можно наблюдать за таинственными животными - ежами и кротами. Целые выводки новорожденных и малолетних ежат уютно располагались в тени старых деревьев под пластом прошлогодней листвы, а кроты как будто имели здесь базу и ходили поверх земли в свои кладовые.

Условия этого нелегального питомника в забытом уголке парка, наверно, благоприятствовали нашествию кротов на все вольшовские сады и огороды. Их хозяева изощрались, устраивая облавы и пугала (например, маленькие ветряные мельницы), передававшие под землю на страх кротам гуденье и колебания.

Кстати сказать, недалеко от Детского садика находилась еще одна загадочная достопримечательность Вольшова - очень высокая ветряная мельница, сложенная из кирпича, с широким поясом арок вокруг нижнего яруса. Крылья мельницы давно разрушились, никто не помнит, чтобы она работала. Приходит в голову предположение, не имела ли эта дорогая и сложная затея чисто эстетическое назначение. Но через одно из окон (все они были заколочены) можно было проникнуть внутрь, и там входящего поражала чистота и добротность деревянных настилов и стоек. Удивительно, что, если отпала надобность в таком сооружении (как и в Зверинце), главная контора не пыталась продать его хотя бы на слом. Но, видимо, к Вольшову его владелец относился именно как к заповеднику, не собираясь получать от этой своей «экономии» никаких выгод.

1. Теперь мельница разрушена, от нее не осталось следа: кирпич, видно, пригодился...

При домах служащих Вольшова были дворы и садики, об этом уже говорилось выше. Страсть к садоводству и мастерство садовников и в Вольшове, и в других строгановских и нестрогановских владениях заражали многих, да и земство устройством обществ садовников и ежегодных выставок поощряло такие занятия. Однако полугородская или, точнее сказать, чисто усадебная структура села не допускала размаха или коммерческого направления садоводства. Никто бы не разрешил огородить большое пространство, и поэтому в большинстве случаев устраивались маленькие ягодники, цветники, детские площадки с качелями, выращивались несколько яблонь самых лучших сортов. При домах видных служащих были и большие сады за оградами, с беседками, пчелиными ульями и десятками плодовых деревьев. Но все это подчинялось общему облику архитектуры села.

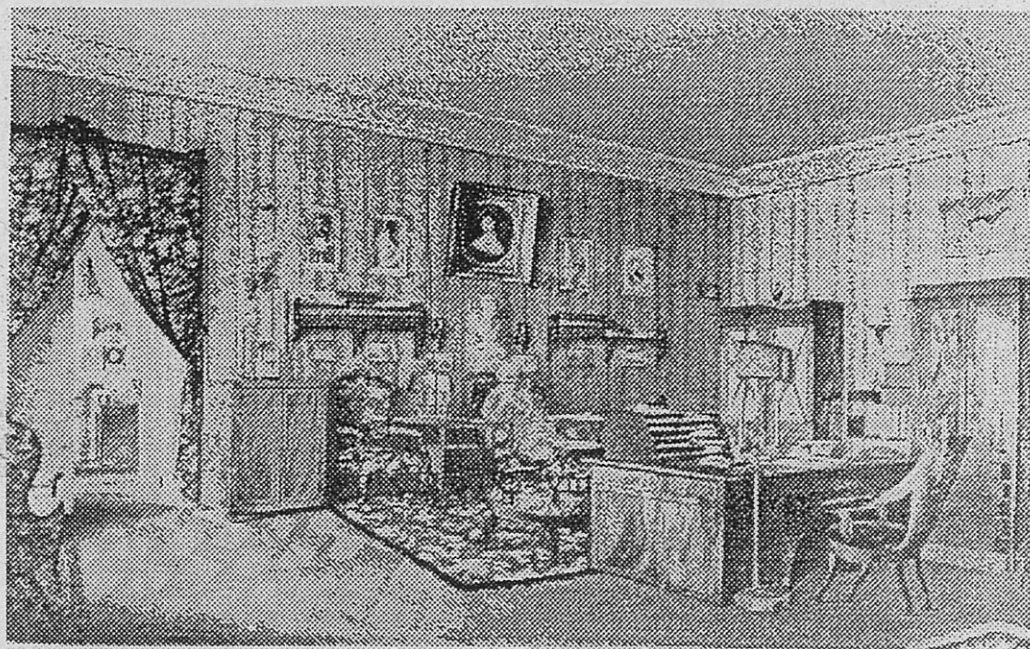
И еще одна, последняя деталь зеленого наряда Вольшова - Прогоны. Их было два - на окраинах села; это были хорошо спланированные, с канавами по бокам, широкие дороги, обсаженные деревьями, главным образом ивами. Особенно длинным и прямым был Прогон от центра села, от конюшен, до Дорогинь, там он заканчивался у башни главного здания конного завода. (Во многих имениях XVIII века бывали такие аллеи, их и называли «проспектами».) Второй Прогон шел от ферм к лесу, дальше через лес - к летним пастбищам. Из этих ориентиров видно значение самого слова «прогон» - дорога, по которой гонят отдельно лошадей и отдельно остальной скот.

В стороне от Большой дороги (лишь пересекая ее у въезда в Вольшово) Прогоны были устроены по обочинам парка и его насаждениям не могли причинять вреда. Дойное стадо на летнем пастбище не ночевало, его гоняли туда рано утром и возвращали вечером, но смять, или загрязнить, или, тем более, объесть кустарники стадо не могло.

Неудачен был выбор древесной породы для Прогонов: ива быстро растет, но ее век недолог. Объемистые стволы, ветшая, раскалываются и требуют частной замены. Неоценимую пользу принес Вольшову его первый послереволюционный владелец - сельхозтехникум: Березовый прогон в селе был обновлен, и вместо берез были высажены самые благородные породы - клены, ясени, вязы. Дорога от въезда в село необычайно похорошела, но с ней теперь контрастирует продолжение Прогона к Дорогиням - все такие же старые ивы.

(Продолжение следует)

Иллюстрации к "Воспоминаниям"
Все фотографии 1910-х гг. сделаны
Василием Григорьевичем Проскуряковым.

"Интерьер". 1860 г. Акварель А.А.Редковского. ПГО историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник. Альбом № 78.

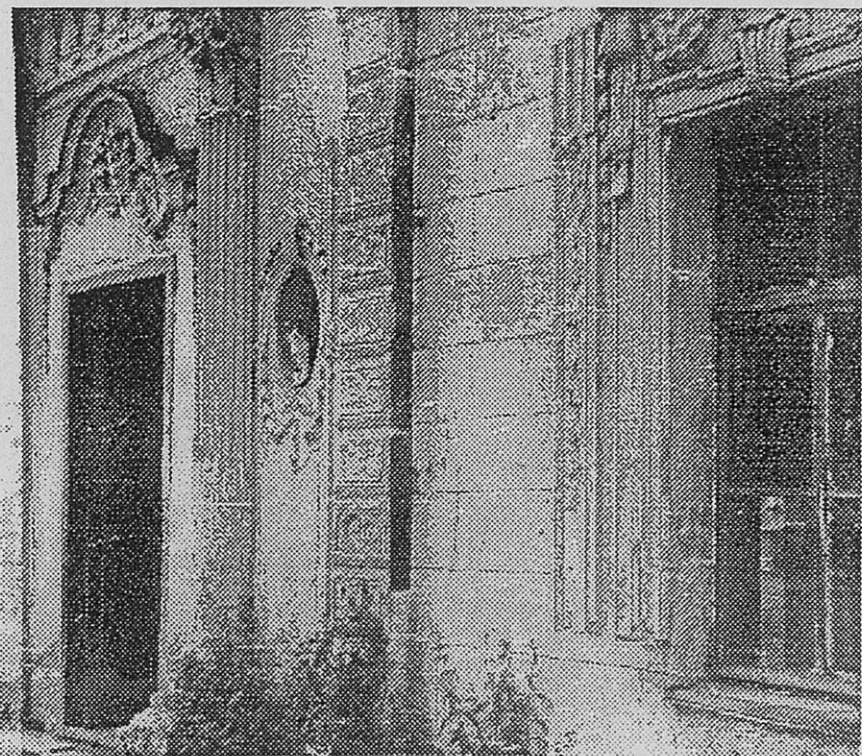
"Интерьер". 1860 г. Акварель А.А.Редковского. ПГО историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник. Альбом № 77.

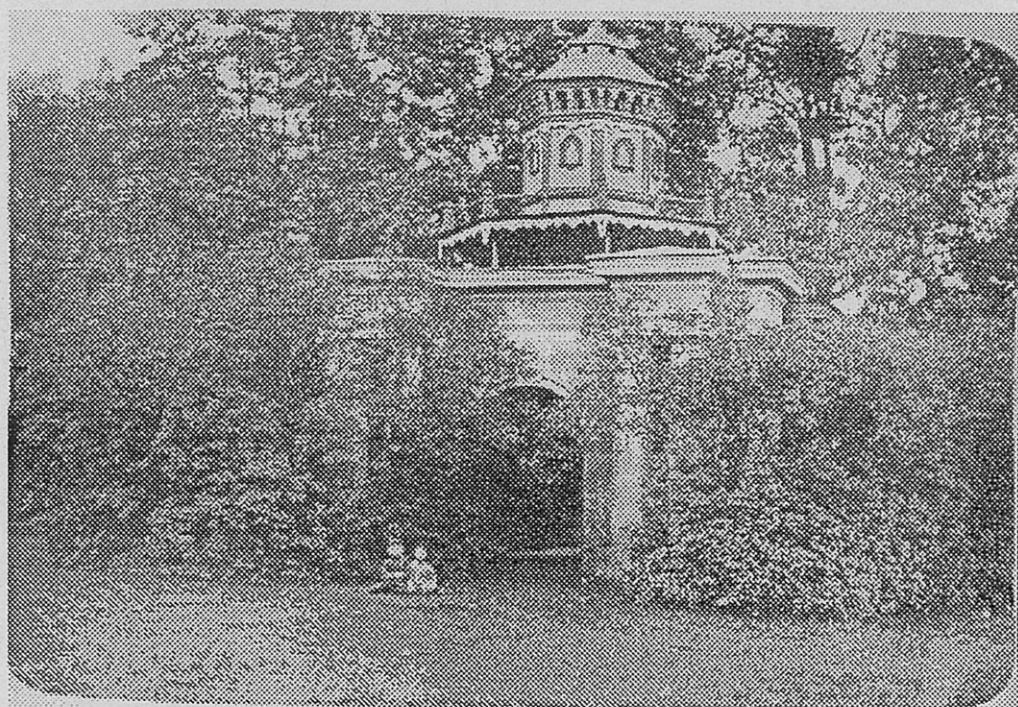
Главная конюшня. XVIII в. Современная фотография.

Главная конюшня. XVIII в. Деталь. Фотография 1910-х гг.

Графинин домик. XIX в. Деталь. Современная фотография.

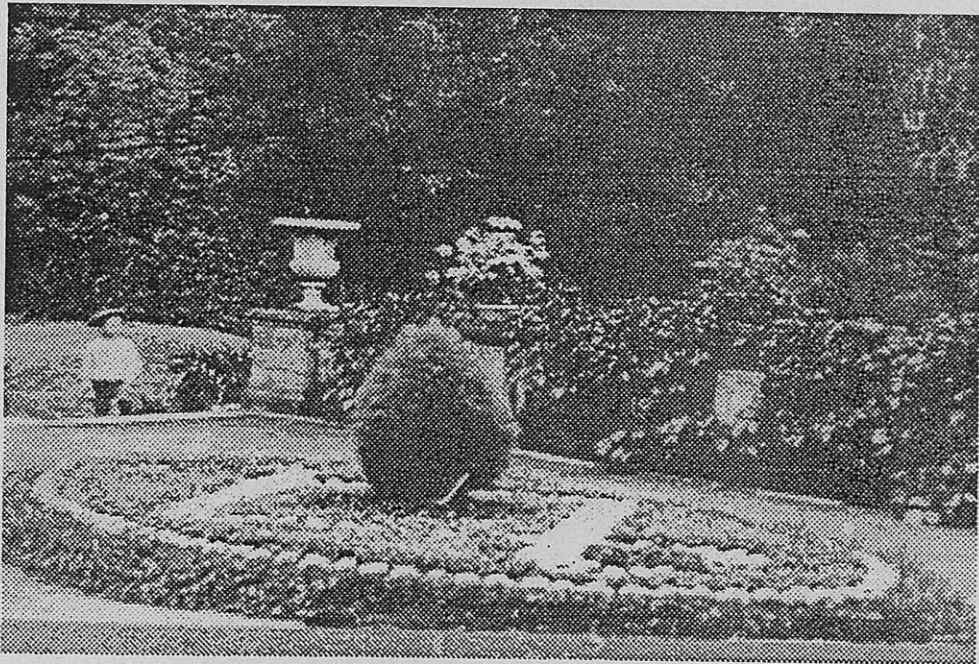

Голубятня - пересечение архитектурных осей усадьбы. Начало XIX в.
Фотография 1910-х гг.

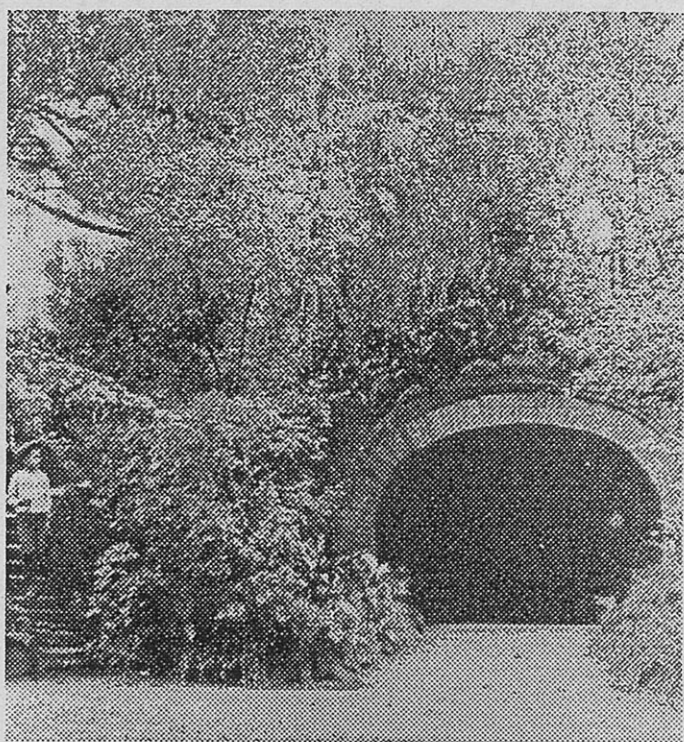

Главный въезд в усадьбу. Фотография 1910 г.

Партерная клумба на террасе графского дома. Фотография 1910-х гг.

Гротик в парке. Фотография 1910-х гг.

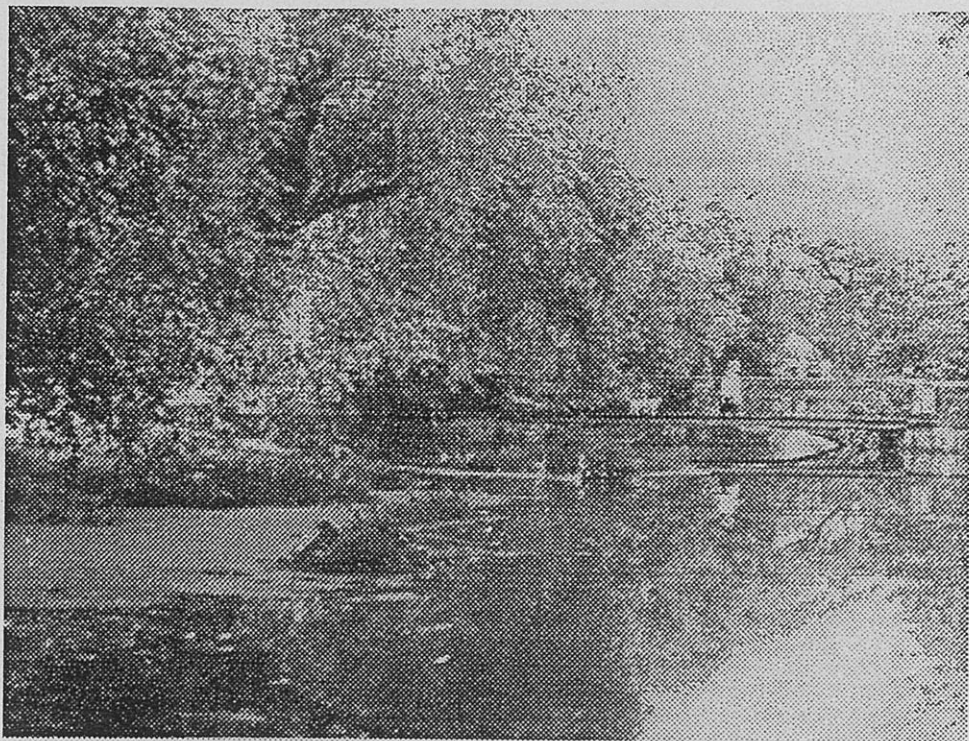
Липовая аллея. XIX в. Погибла во время урагана 7 августа 1987 г. Фотография 1910-х гг.

Круглый пруд в парке. Фотография 1910-гг.

Парк. Новые посадки. Конец XIX в. Фотография 1910-х гг.

Чугунный мостик через Вогощу. Фотография 1910-х гг.

Вокруг «Волышовской старины»

Отклики читателей

НЕОБХОДИМОЕ УТОЧНЕНИЕ

В третьем номере журнала «Псков» начата публикация воспоминаний Г.В.Проскуряковой «Волышовская старина», которым предшествует обширное предисловие доктора исторических наук Н.Масленниковой. Казалось бы, читаешь, впитываешь в себя старину, восхищаешься глубиной исследования жизни и деятельности одного из известнейших в России клана - Строгановых...

Ко мне, как краеведу по Порховскому уезду и Дедовичскому району, большую часть года проживающему в деревне Гнилицы Красногорской волости Дедовичского района, обращались зав.библиотекой в Красных Горках (бывшие Князьки Горки), районная газета, Дедовичский историко-краеведческий музей с просьбой подготовить небольшой исторический очерк «Строгановы на Псковской земле». Естественно, пришлось просмотреть значительную часть литературы о Строгановых, а также познакомиться с архивными данными. Очерк состоялся, хотя остались «белые пятна», например, когда и откуда появилось название